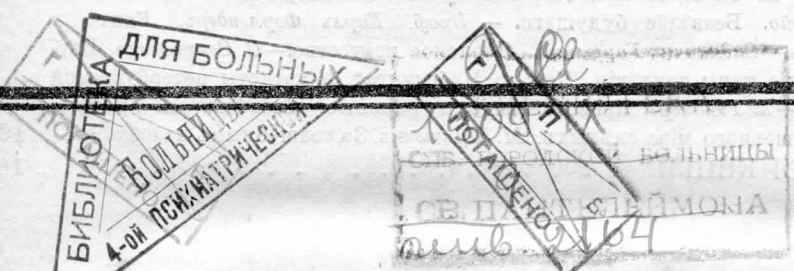

112774

СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ

СОДЕРЖАНІЕ № 9

	СТР.
1. ЖЕРТВЫ ДРАКОНА. Романъ изъ первобытной жизни чело- вѣчества. В. Тана	3
2. * * Стихотвореніе. Л. Василевскаго	44
3. ВЕСНОЮ. Разсказъ. В. Муйжеля	45
4. СКАЗКА О СОРОЧКѢ. Разсказъ. Анатолія Франса . (Перев. съ французскаго З. Журавской). (Окончаніе).	72
5. ВДАЛЬ. Стихотвореніе. Г. Галиной	95
6. НАВОЗНЫЙ ЖУКЪ. Романъ. Эльзы Іерузалемъ . (Перев. съ нѣмецкаго).	96
7. ВЪ РАБОЧЕМЪ ПРЕДМѢСТѢ. Очерки. В. Измайлова	151
8. О, ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫХЪ, РЕЛИГИОЗНЫХЪ ИСКА- НІЯХЪ ВЪ РОССИИ. Г. Плеханова	182
—	
9. ЭМИЛЬ ВЕРХАРНЪ. В. Львова-Рогачевскаго	1
10. КРИЗИСЪ СИНДИКАЛИЗМА. (Письмо изъ Франціи). Л. Мар- това	25
11. ПРОБУЖДЕНІЕ ИНДИИ. М. Павловича	42
12. ИСТОРИЯ ФРАНЦІИ СЪ НОВОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ. А. Олара	54

№ 239

13.	ВОПРОСЫ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ. Школьный футболъ. І. Марскаго.	60
14.	АЛЬМАНАШНЫЙ ЛИСТОПАДЪ. (Литературная замѣтка). Вл. Кранифельда.	75
15.	ЗА РУБЕЖОМЪ. Движеніе въ Греціи. К. Вейдемюллера	81
26.	ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Ник. Іорданскаго	94
17	КРИТИКА и БИБЛЮГРАФІЯ. <i>Федоръ Сологубъ.</i> Книга очарованій.— <i>Дмитрій Цензоръ.</i> Крылья Икара. Стихи.—Французскіе лирики XIX вѣка. Перев. <i>Валерія Брюсова.</i> — <i>Анатоль Франсъ.</i> Рассказы.— <i>Оскаръ Уайльдъ.</i> Сказки.— <i>А. Л. Волынский.</i> О. М. Достоевскій.—Словарь литературныхъ типовъ. Выпускъ третій. [Дермонтовъ. Выпускъ четвертый. Гоголь.— <i>В. И. Семевскій.</i> Политическія и общественныя идеи декабристовъ.— <i>Голль А.</i> Преступныя типы въ произведеніяхъ Шекспира.—Труды совѣщанія объ экономическихъ нуждахъ студенчества г. Петербурга.— <i>А. А. Николаевъ.</i> Теорія и практика кооперативнаго движенія.— <i>М. Гюйо.</i> Безвѣріе будущаго.— <i>Проф. Карль Форлендеръ.</i> Кантъ и Марксъ.— <i>Садакичи Гартманъ.</i> Японское искусство.— <i>С. Свириденко.</i> Вагнеровскіе типы трилогіи „Кольцо Нибелунга“ и артисты петербургской оперы.— <i>К. Гюнтеръ.</i> Происхожденіе и развитіе человѣка.— <i>А. Кройцъ.</i> Изъ душевнаго міра слѣпыхъ. <i>М. Пришвинъ.</i> За волшебнымъ колобкомъ.	100
23.	НОВЫЯ КНИГИ.	163

*Въ настоящемъ номерѣ журнала помѣщены слѣдующія
объявленія:*

На обложкѣ: Швейныя машины Зингеръ, Часы „Омега“. [Стенографія Животовскаго. Распродажа книги: „Міръ животныхъ Европы“. Тво-Фонограмма. Курсы Побѣдинскаго. Жоржъ Блокъ (пишущія машины). Кн-во Міръ Божій.

Послѣ текста: Среднее образованіе заочно (студ. изданіе „Журналъ для экстерновъ“), Изданія Московск. Т-ва Міръ“ („Исторія русск. литературы“, „Эволюція Міра“, Новое изд. „Исторія Россіи“ (Книжный маг. П. П. Крылова. „Хорошія книги за полъ-дѣны и дешевле“ (продаетъ и высыл. кн. маг. И. Г. Малмыго „Общепользное Чтеніе“). Изд-во „Ясная Поляна“. „кн. маг. А. И. Туркина (классики). [Здоровье есть богатство. Книжн. складъ типографіи Стасюлевича. Журн. „Соврем. Міръ“. Боржомъ. Кн. маг. А. О. Озерова (книги съ уступкой до 75%). Книжн. маг. М. П. Мельникова („Литературныя характеристики“ (2-ое изд.). „Общественное самосознаніе въ русск. литературѣ“)

ОТЪ КОНТОРЫ.

Просимъ нашихъ читателей при заказахъ по объявленіямъ ссылаться на журналъ.

тизмъ останется побѣдителемъ надъ капитализмомъ“. Это противоположеніе мѣшаетъ автору понять дѣйствительную связь между кооперацией и капитализмомъ и проникновеніе и кооперативнаго движенія началами классовой борьбы. Правда, въ одномъ мѣстѣ и онъ указываетъ на противоположность интересовъ между кооперативами покупающими и продающими, но это не мѣшаетъ ему мечтать о федеративномъ объединеніи кооперативовъ всѣхъ видовъ. Особенно безпомощенъ оказывается г. Николаевъ въ вопросѣ объ отношеніи между кооперативами и партіей. Полагая, что „безпартійность и нейтральность—двѣ разныя вещи“, онъ по отношенію къ кооперативамъ готовъ, повидимому, воскресить потерпѣвшую полный крахъ въ професс. движеніи практику „политическихъ платформъ“.—Приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы показать научную цѣнность „кооперативныхъ теорій“ г. Николаева.

Д—ъ.

М. Гюю. Безвѣріе будущаго. Соціологическое изслѣдованіе. Съ биографической замѣткой о Гюю Ал. Фулье и съ предисловіемъ профессора Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Переводъ съ французскаго (11 изд.) подъ редакціей Я. Л. Санера. Спб. — У насъ много теперь говорятъ о религіи. И говорятъ, по большей части, такъ, что обнаруживаютъ полнѣйшее свое незнакомство съ этимъ общественнымъ явленіемъ, во всякомъ случаѣ, заслуживающимъ серьезнаго вниманія соціолога. Поэтому книга М. Гюю является кстати: она будетъ способствовать разсѣянію густого тумана невѣжества, покрывающаго у насъ религіозный вопросъ.

Книгѣ предпослано предисловіе проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Почтенный профессоръ касается въ немъ нашихъ современныхъ религіозныхъ исканій, которыя представляются ему „по меньшей мѣрѣ, ненужными“. Мы безусловно согласны съ нимъ въ этомъ случаѣ. По его словамъ, исканія эти, въ огромномъ своемъ большинствѣ, „сбиваются на какую-то игру въ религію, на ребяческія упражненія на религіозныя темы,—и есть въ нихъ что-то и схоластическое, и дилетантское, и фантастическое“ (стр. IX). Это строго, но вполне справедливо. Не менѣе справедливо и то замѣчаніе Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго, что въ названныхъ исканіяхъ „замѣчается стремленіе подводить религіозный фундаментъ подъ явленія общественныя“ (IX),—запр., подъ наше освободительное движеніе,—и что въ подведеніи такого фундамента нѣтъ ни малѣйшей надобности. „Это черта архаизирующаго характера,—говоритъ онъ:—противорѣчащая общей и все усиливающейся тенденціи прогресса—къ освобожденію соціальныхъ явленій отъ религіозной формулы. ...Наши религіозные реформаторы и утописты не вводятъ, правда, новыхъ обрядовъ, но они ищутъ новой религіозной санкціи для такихъ „свѣтскихъ вещей, какъ либерализмъ, социализмъ, освободительное движеніе и т. д. Это было бы шагомъ назадъ—въ глубь архаическихъ ступеней и религіи, и культуры, если бы только это былъ въ самомъ дѣлѣ „шагъ“, а не одна „игра ума“ и пустая затѣя“ (IX—X). Прибавимъ, что къ числу религіозныхъ реформаторовъ и утопистовъ Д. Н. Овсяннико-Куликовскій относитъ также и г. Луначарскаго, который „выступилъ съ попыткой созданія „соціально-демократической“ религіи, въ чемъ едва ли есть надобность“ (IX). Тутъ мы должны замѣтить, что нашъ авторъ выражается слишкомъ мягко: на самомъ дѣлѣ, можно съ полнѣйшей увѣренностью сказать, что въ попыткѣ г. Луначарскаго не было рѣшительно никакой надобности.

Но,—намъ очень жаль, что мы вынуждены написать это „но“,—мы не во всемъ согласны съ Д. Н. Овсяннико-Куликовскимъ. Откровенно го-

вора, мы не видимъ никакой надобности и въ той „грядущей религіозности“, передъ которой онъ почитательно склоняется въ своемъ предисловіи. Онъ пишетъ: „Прогрессъ положительной науки и философіи ставитъ человѣка лицомъ къ лицу съ непознаваемымъ,—и на этомъ пунктѣ начинается та *религія*, которая въ противоположность религіямъ прошлаго, *не связываетъ* (religio значитъ—„связь“) душу человѣческую, а освобождаетъ ее отъ узъ, приковывающихъ ее къ мѣсту и времени, злобѣ дня, тревогѣ вѣка, какъ всегда приковывали ее религіи прошлаго, столь тѣсно связанные съ исторіей, съ культурой, съ общественностью, съ государствомъ, съ классами, интересами группъ человѣческихъ. Въ сравненіи съ ними религія будущаго представляется *нерелигіей*, но въ ней *религіозность* человѣка взойдетъ на высшую ступень—той *раціональной созерцательности*, которая, облагораживая духъ человѣческій, накапливаетъ и освобождаетъ его энергію для нерелигіозной культурной дѣятельности и борьбы за гуманность и высшіе идеалы человѣчества“ (X—XI).

Эта аргументація кажется намъ мало убѣдительною. Мы думаемъ, что „раціональная созерцательность“ не имѣетъ ничего общаго съ религіозностью. И намъ сдается, что самъ Д. Н. Овсяннико-Куликовскій подтверждаетъ эту нашу мысль нѣкоторыми своими соображеніями. Въ самомъ дѣлѣ, у него выходитъ, что въ основѣ грядущей религіозности будетъ лежать „идея безконечности и вѣчности Космоса“ (X). Идея эта „переходитъ за предѣлы человѣческаго разумѣнія; она, добытая раціональнымъ путемъ, ирраціональна или супераціональна,—иначе говоря—мистична“ (X). Допустимъ, что это такъ. Но если это такъ, то и грядущая религіозность должна быть „ирраціональна или супераціональна,—иначе говоря—мистична“. А въ такомъ случаѣ она, какъ мы сказали, не имѣетъ ничего общаго съ „раціональной созерцательностью“. Кромѣ того, нельзя называть „мистичнымъ“ то, что недоступно научному познанію. Извѣстно, что луна всегда обращена къ землѣ одной своей стороной. Поэтому ея другая сторона навсегда останется недоступною для научнаго изслѣдованія. (Говоря это, мы, конечно, имѣемъ въ виду ученыхъ, живущихъ на землѣ). Но слѣдуетъ ли отсюда, что эта другая сторона луны ирраціональна, супераціональна или мистична? По нашему, совѣмъ не слѣдуетъ. Намъ возразятъ, разумѣется,—и, можетъ быть, нашъ авторъ будетъ въ числѣ возражающихъ,—что иное дѣло непознанное или недоступное для познанія вслѣдствіе какихъ-нибудь специальныхъ условий, а иное дѣло безусловно непознаваемое. Мы отвѣтимъ, что это такъ... съ точки зрѣнія катовой теоріи познанія или одного изъ ея новѣйшихъ видоизмѣненій. Но для того, чтобы ссылка на эту теорію познанія была убѣдительною, надо сначала доказать ея правильность, а это не такъ легко сдѣлать. Къ тому же, отождествленіе „мистичнаго“ съ непознаваемымъ не выдерживаетъ критики.

М. Гюйо говорить въ разбираемой нами книгѣ: „Вселенная, безъ сомнѣнія, безконечна, безконеченъ, поэтому, и *матеріаль* для человѣческой науки; тѣмъ не менѣе, вселенная находится подъ властью извѣстнаго числа простыхъ законовъ, въ которыхъ мы все больше и больше отдаемъ себѣ отчетъ“ (стр. 358—859). Это, какъ нельзя болѣе, вѣрно. И въ этомъ заключается отвѣтъ Д. Н. Овсяннико-Куликовскому, считающему „мистичной“ идею безконечности и вѣчности Космоса. Разъ человѣкъ окончательно пришелъ къ тому убѣжденію, что безконечная вселенная находится подъ властью извѣстнаго числа простыхъ законовъ, въ его міросозерцаніи *нѣтъ мѣста для мистицизма*. Характеризуя взгляды М. Гюйо, почтенный профессоръ говоритъ, что покойный французскій философъ предвидѣлъ въ будущемъ „не упадокъ морали и религіи, а, на-

противъ, *расцвѣтъ моральнаго и религіознаго творчества*, открыденнаго не только внѣшними гарантіями свободы совѣсти и мысли, но и *внутреннею свободою* человѣка отъ путъ догматизма въ вопросахъ религіознаго и нравственнаго сознанія“ (VI). Это такъ; но не мѣшало бы прибавить, что Гюйо подъ религіей будущаго понимаетъ нѣчто совсѣмъ непохожее на религію. Такъ, онъ пишетъ: „Мы можемъ сказать, что наука, это—религія, которая возвращается къ дѣйствительности, вновь находить свойственный ей путь, вновь находить, такъ сказать, себя самое. Наука говорить всѣмъ живымъ существамъ: проникнитесь другъ другомъ, познайте другъ друга. Религія говорить имъ: объединяйтесь другъ съ другомъ, заключите между собою тѣсный, солидарный союзъ. Это одно и то же вѣдѣніе“ (186). Если „наука, это—религія“, то несомнѣнно, что въ будущемъ религіозное творчество очень усилится, ибо научная дѣятельность цивилизованнаго человѣчества все болѣе и болѣе возрастаетъ. Но въ другихъ мѣстахъ,—напримѣръ, въ 1-ой и 2-ой главахъ первой части своей книги,—Гюйо самъ очень хорошо поясняетъ, что точка зрѣнія религіи прямо противоположна точкѣ зрѣнія науки: наука смотритъ на природу, какъ на цѣль зависимыхъ другъ отъ друга явленій; религія,—т.е. точнѣе сказать, теорія, лежащая въ основѣ религіи,—видитъ въ ней „проявленіе воли, болѣе или менѣе независимыхъ, одаренныхъ необыкновенною силою и способныхъ дѣйствовать другъ на друга и на насъ самихъ“ (стр. 50; см. также стр. 51). Въ виду этого, становится логически несостоятельнымъ всякое отождествленіе науки съ религіей. Гюйо замѣчаетъ, что „мнимое примиреніе науки и религіи происходитъ у Спенсера лишь благодаря двусмысленности выражений“ (стр. 361). Это его замѣчаніе вполнѣ можетъ быть примѣнено къ нему самому: только употребляя двусмысленныя выраженія, можно утверждать, что „наука, это—религія“ и т. п.

Но какъ ни двусмысленны подчасъ выраженія, употребляемыя Гюйо все-таки ясно, что подъ расцвѣтомъ религіознаго творчества въ будущемъ онъ понимаетъ, собственно, расцвѣтъ науки, искусства и нравственности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочитать хотя бы вторую главу третьей части его сочиненія (стр. 364—395). Глава эта носитъ характерное названіе: „Ассоціація.—Что въ соціальной жизни останется отъ религіи?“ Оказывается, что ничего не останется. Мы не шутимъ. Гюйо говоритъ: „Если разсматривать религіи, какъ популяризацію первыхъ научныхъ теорій человѣческихъ, то есть основаніе думать, что самымъ вѣрнымъ средствомъ устранить заблужденія и сохранить хорошія стороны религіи явится популяризація истинныхъ теорій современной науки“ (369). Мы, съ своей стороны, опять скажемъ, что, конечно, популяризація истинныхъ теорій науки очень усилится въ будущемъ, но что это совсѣмъ не ручается за сохраненіе даже хорошихъ сторонъ религіи, потому что ея точка зрѣнія прямо противоположна точкѣ зрѣнія науки. Нѣсколькими страницами ниже мы читаемъ: „Предметъ энтузіазма съ теченіемъ времени мѣняется: имъ была до сихъ поръ религія, но имъ могутъ быть и научныя доктрины и открытія, въ особенности же нравственныя и соціальныя вѣровавія. Отсюда новое послѣдствіе, то, что самый духъ *прозелитизма*, составляющій, повидимому, особенность религіи, никоимъ образомъ не исчезнетъ вмѣстѣ съ ними: онъ лишь видоизмѣнится“ (374). Тутъ опять ясно, что „останется“ Фодотъ, который будетъ совсѣмъ не тотъ и котораго, поэтому, очень ошибочно было бы смѣшивать со старымъ Фодотомъ.

М. Гюйо—не послѣдовательный мыслитель, и мы считали своей обязанностью предупредить читателей насчетъ его непослѣдовательности. Но онъ, все-таки, мыслитель, а не кликуша вродѣ нашихъ россійскихъ

„богоскатель““. Поэтому, несмотря на его непослѣдовательность, въ его книгѣ есть много такихъ элементовъ, которые будутъ, какъ мы сказали, способствовать разсѣянію густого тумана невѣжества, покрывающаго у насъ религіозный вопросъ. Больше всего такихъ элементовъ находится въ I части его книги. Мы очень рекомендуемъ эту часть вниманію нашихъ читателей.

Къ сожалѣнію, и эту часть мы можемъ рекомендовать лишь съ оговорками: мы почти ни въ чемъ не можемъ безусловно согласиться съ Гюйо. Возьмемъ хотя бы опредѣленіе религіи. По мнѣнію Гюйо, „религія есть въ фантастической и символической формѣ физическое, метафизическое и моральное объясненіе всего существующаго по аналогіи съ человѣческимъ обществомъ. Въ двухъ словахъ, религія, это—*универсально-соціологическое объясненіе міра въ мистической формѣ*“ (XIX). Религія, въ самомъ дѣлѣ, многое объясняетъ по аналогіи съ человѣческимъ обществомъ. Но не все. Мы уже знаемъ, что религіозный человѣкъ видитъ въ природѣ проявленіе воли божественныхъ существъ. Такой взглядъ представляетъ собою тотъ анимистическій элементъ, который всегда вмѣлъ мѣсто во всякой религіи. Но анимизмъ возникъ не по аналогіи съ человѣческимъ обществомъ, а по аналогіи съ индивидуумомъ, какъ существомъ, одареннымъ сознаниемъ и волей. Первобытный человѣкъ все явленія природы объяснял по аналогіи съ самимъ собою; онъ олицетворялъ природу, всюду предпологая наличность сознанія и воли. И это олицетвореніе природы находилось въ тѣснѣйшей связи съ состояніемъ первобытной техники. Мы потому считаемъ нужнымъ отмѣтить это, что свойственный Гюйо взглядъ на религію, какъ на *универсальный соціоморфизмъ* помѣшалъ ему оцѣнить во всей его полнотѣ въ высшей степени важное вліяніе техники на развитіе первобытной мнѳологіи.

Вообще надо замѣтить, что этнологическій матеріалъ, съ которымъ оперировалъ Гюйо, теперь уже значительно устарѣлъ. Достаточно сказать, что онъ, видящій въ религіи универсальный соціоморфизмъ, ничего не говоритъ о тотемизмѣ, представляющемъ собою такой яркій примѣръ объясненія явленій,—вѣрнѣе: *нѣкоторыхъ сторонъ ихъ*,—по аналогіи съ человѣческимъ обществомъ.

Полезно прочесть книгу М. Гюйо; но ошибочно думать, что она хотя бы приблизительно исчерпываетъ вопросъ. До этого ей очень и очень далеко.

Г. Плехановъ.

Проф. Карлъ Форлендеръ. Кантъ и Марксъ. Очерки этического социализма. Переводъ Б. И. Элькина. Съ предисловіемъ М. И. Туганъ-Барановскаго. СПб. 1909. Цѣна 1 р. 6.—Г. Туганъ-Барановскій, который снабдилъ книгу проф. Форлендера своимъ предисловіемъ, говоритъ что обосновать *марксизмъ* на почвѣ *кантіанства* невозможно; что „этическое обоснованіе социализма знаменуетъ собой не дополненіе марксизма, а коренное преобразование, точнѣе—разрушеніе его“. Это достаточно ясно и вполнѣ справедливо. Туганъ-Барановскій хорошо понимаетъ, что „ни о какомъ *дополненіи* Маркса Кантомъ не можетъ быть и рѣчи“; что „... *дополнить* матеріалистическое пониманіе исторіи этикой Канта значитъ въ корнѣ разрушить стройность марксистской теоріи“, и что приходится въ силу всего этого мечтать о „коренномъ преобразованіи, точнѣе—разрушеніи“ марксизма, на развалинахъ котораго должна быть воздвигнута *новая теорія социализма*. Свое предисловіе Туганъ-Барановскій и заканчиваетъ призывомъ: „впередъ, къ созданію новой теоріи социализма!“ Мы должны оставить Туганъ-Барановскаго за его работой надъ созданіемъ „новой теоріи социализма“ и обратиться къ Форлендеру. Если Туганъ-Барановскій уже сознаетъ, что кантіанизмъ

Современный
мир.
1909. № 9

239